Любовь ХОЛОПОВА (г.Юрга Кемеровская обл.) **А ЛЮБОВЬ?**

— Как-то всё не так. Хотя многое по-прежнему впервые, — с иронией подумала Любовь Дмитриевна. — Впервые со знаком минус. Впервые стали появляться недомогания и болезни, связанные с возрастными изменениями. Посмотришь на себя в зеркало, как будто ещё терпимо: и морщин совсем мало, и кожа не обвисла, и фигура подтянутая. Но сама понимаешь, что нет уже той жадности к жизни как в юности и молодости, чтобы всё успеть, ухватить, со всем справиться.

Появилась некая апатия, взгляд со стороны. Как будто ты — это и не ты, и не с тобой. Ждать вроде нечего, кроме одного — «впервые со знаком минус». – Так она, размышляя, подходила к месту своей работы. Прикинула мысленно план на сегодняшний день. Долго руководила школой, поэтому приучила себя планировать свой день до мелочей. И хотя сейчас работа была другой, но сделала это по привычке. Отметила как один из пунктов плана, что ближе к обеду должна идти в юстицию вместе с сыном для оформления документов на квартиру.

Рабочий день начался как обычно, но грустные мысли, что всё лучшее позади, остались. Проверяя рукопись, смотрела в окно. Видела перед собой стену здания и слышала удары, периодически повторяющиеся, в буквальном смысле молота по железу — во дворе ведомственного здания напротив что-то ремонтировали. Вот так часто и в жизни у неё словно молотом по железу, то есть по ней, в расчёте, что она железная и всё выдержит.

Неожиданно открылось весеннее небо, чистое, без единого облачка, далёкое и близкое. И поняла, что стала забывать его чистоту. Забывать — потому что снова мало смотрела вверх. Всё больше под ноги. А под ногами — прошлогодний мусор, грязь.

Позвонил сын, и она отравилась решать квартирный вопрос. Увидела его издали. Вошли в здание, уселись в удобные кресла в ожидании вызова. От нечего делать она рассматривала большое пространство зала, оборудованного по последнему слову техники, чтобы создать максимальный комфорт для посетителей. Это радовало. Потом взгляд выхватил вошедшего мужчину. Она его сразу узнала, но сделала вид, что не видит и стала изучать выданный талончик с номером 82 «А».

Виктор Васильевич — это был он — своим решительным шагом, как всегда независимый и уверенный в себе, уже прошёл мимо, но вдруг резко развернулся, посмотрел в её сторону и воскликнул: «Любовь Дмитриевна, здравствуйте, я вас не сразу узнал», – и подошёл к ней.

— Как давно вас не видел! Куда вы пропали? Где вы? Как вы? — он засыпал её вопросами, радуясь встрече и улыбаясь, обнимая её и заглядывая в глаза. А ей хотелось спросить, что же помешало ему тогда позвонить и поддержать.

Три года назад она попала что называется в трудную жизненную ситуацию. Вынуждена была оставить школу, которую создавала много лет. Нашлись злые языки, завистники и сделали всё, чтобы она ушла. А ходить по судам и доказывать, что она права, не смогла, сил не было. Может, ещё и потому не было, что он тогда не поддержал, даже не позвонил, не позвонил ни разу. А ведь их связывали не просто добрые отношения, а нечто большее.

Он её понравился сразу. Принадлежал к тем мужчинам, которым хочется верить, быть с ними, ощущая их надёжность и силу. Его симпатию к себе почувствовала, когда он знакомился с ней, взяв её руку в свои, представившись с лёгкой улыбкой: «Виктор Васильевич!»

Он помогал ей в решении многих вопросов. Мог появиться на каком-нибудь школьном празднике без предупреждения и сказать, что торопился сразу после командировки

сюда. Принимал участие в больших школьных делах и получал от этого радость. Человек очень занятой, он всегда находил время для неё и её дел. Сначала она думала, что он — просто хороший отец и проявляет заботу о школе, где учится его сын. Но сын благополучно окончил школу, а его интерес к ней и её делам не угас, а стал ещё откровеннее.

Однажды они были приглашены на один и тот же юбилей, хотя не знали об этом. Он — что будет она. Она — что будет он. Но когда увидели друг друга, очень обрадовались и весь вечер были вдвоём, что бросилось в глаза присутствующих — оба в их небольшом городе были людьми узнаваемыми, особенно он. С праздничного вечера они ушли тоже вдвоём. Он предложил прогуляться по осеннему парку, шофёра с машиной отпустил. Гуляли, наслаждаясь неспешностью разговора, смеялись. Она чувствовала, что сегодня — необычный вечер, должно произойти то, чего она так долго ждала.

Подошли к её дому, но вместо того, чтобы пригласить его к себе, она вспомнила совсем некстати о своих кошках, которые были целый день одни со всеми вытекающими отсюда последствиями. И вдруг стало неудобно, появилась откуда-то неуверенность, обозначилась собственная незначительность по сравнению с ним, представилось довольно скромное убранство к тому же давно не ремонтированной квартиры, и она, понимая, что делает что-то невозвратное в своей жизни, несмотря на это, стала быстро прощаться, сминая слова:

— До свидания! Пригласить не могу, в следующий раз… извините!

Потом они долго не виделись. А когда встретились снова, он был приветлив, как всегда, но уже далёк от неё — это чувствовалось по вежливой заинтересованности вопросов, по любезной отчуждённости. Не было привычной теплоты во взгляде. Вообще не было того взгляда, который обещал, и манил, и заставлял верить, ждать и надеяться. В помощи он по-прежнему не отказывал, также отправлял поздравления с праздниками, сам приезжал с букетами цветов. Но она ждала иного.

Приближался очередной юбилей школы. Много было подготовки, связанной с праздник ом суеты, много потрачено сил и энергии, чтобы всё устроить, никого не забыть, всем сказать доброе слово, всех поблагодарить. Поэтому к неофициальной части она буквально валилась с ног. Он опоздал, был в очередной командировке. Но, несмотря на

это, остался и на неофициальную часть. Расслабившись после коньяка, пошёл петь. И пел замечательно. Любовь Дмитриевна и не предполагала наличие в нём такого таланта. Пел для неё, так он объявил, про ту самую женщину, что «мне б такую». Песня и давно сдерживаемые чувства сделали своё дело. Танцуя с ним, неожиданно для себя она расплакалась, стала жаловаться, как ей плохо и одиноко, и вообще, она его любит, объясняется сама, потому что знает, что очень важно, когда тебя любят, и об этом нужно знать и говорить, и просит прощения за «дурацкое» поведение в тот далёкий вечер. Он поднял её голову, бережно поцеловал, вытер слёзы и сказал, что жизнь продолжается. Но он ничего не будет менять в ней. А она не та женщина, которой нужно малое. С этого вечера их отношения изменились, вернее его. Он стал избегать встреч с ней.

А затем наступили другие для Любови Дмитриевны времена.

И всё-таки она ждала его звонка, больше всего желала, чтобы он просто позвонил и поддержал. Просто поддержал. Но так и не дождалась. Она хотела спросить его сейчас, что же помешало. Однако ничего не спросила. Вспомнила о смерти его жены, по поводу чего долго горевала, но ему тоже не позвонила. Сейчас выразила запоздалые слова соболезнования.

— Скоро год. Привыкаю, — сказал он, и помолчав, добавил, — хорошо бы встретиться.

— Звоните, Виктор Васильевич, — и назвала свой новый номер телефона.

— Вы даже номер сменили! А мой помните?

— Да! — просто ответила она, уловив необыкновенную теплоту его взгляда, в котором светилась и вера, и надежда. А любовь?

Этого Любовь Дмитриевна не успела понять. Объявили: «Номер 82 «А» подойдите к окну № 3».